

РѢТАРО
СИБА

•
РЁТАРО
СИБА

ПОСЛЕДНИЙ
СЁГУН

•

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.521-312.4

ББК 84(5Япо)-44

С34

Серия «Neoclassic проза Востока»

Ryotaro Shiba

SAIGO NO SHÔGUN — TOKUGAWA YOSHINOBU

Впервые опубликовано в Японии в 1967 году
издательством Bungeishunju Ltd., Tokyo

Перевод с японского *Е. Кручины*

Приложения, глоссарий и комментарии *Е. Кручины*

Серийное оформление и дизайн *В. Половцева*

Печатается с разрешения Shiba Ryotaro Kinen Zaidan
при посредничестве Japan Foreign-Rights Centre.

Сиба, Рётаро.

С34 Последний сёгун : [роман] / Рётаро Сиба ; [перевод с японского Е. Кручины]. — Москва : Издательство АСТ, 2026. — 320 с. — (Neoclassic проза Востока).

ISBN 978-5-17-176710-5

На протяжении трех столетий вся полнота власти в Японии принадлежала сёгунам из клана Токугава. Однако ко второй половине XIX века замкнувшаяся в самоизоляции страна остро нуждалась в модернизации: экономика отстала, а самурайская армия безнадежно устарела. Столкнувшись с угрозой иностранной интервенции и гражданской войны, понимая, что только кардинальные изменения смогут спасти Японию, недавно занявший пост сёгуна Ёсинобу Токугава решает на беспрецедентный шаг и уступает всю полноту власти императору.

«Последний сёгун» — биография последнего сёгуна Японии, показанная на фоне драматических изменений в стране, которая ради собственного будущего отказалась от тысячелетних традиций.

УДК 821.521-312.4

ББК 84(5Япо)-44

© Yōkō Uemura, 1967

© Перевод. Приложения. Глоссарий.

Комментарии. Е. Кручина, 2026

© Издание на русском языке AST Publishers, 2026

ГЛАВА I

Иногда жизнь человека напоминает роман: в ней отчетливо проступает основная тема.

Вряд ли можно назвать другую личность, которая бы в первую половину своей жизни так отвечала ожиданиям эпохи, как человек по имени Ёсинобу¹, пятнадцатый сёгун Токугава². В этом, наверное, и состояла главная тема его жизни.

По происхождению Ёсинобу не принадлежал к сёгунскому дому. Он родился в семье Токугава из Мито — боковой ветви сёгунской фамилии Токугава. Самурайский дом Мито считался одним из «трех знатных домов», к которым относились также дома Кисю и Овари³.

Мито был беднее остальных «знатных домов». То же и в чинах: если главы двух других фамилий носили придворные звания Старших советников, то глава Мито — всего лишь Среднего советника. Если у сёгуна не было наследника, то его брали либо из Кисю, либо из Овари, но не из Мито. Словом, клан Мито всегда стоял на ступеньку ниже двух других.

Но были у Мито и свои привилегии: так, глава этого дома мог постоянно проживать в своем особняке в Эдо и не оставлять семью в заложниках⁴.

Поскольку глава дома Мито, как и сёгун, постоянно проживал в столице, то его стали называть «заместник сё-

гуна державы». Впервые так почтительно жители Эдо называли известного своей образованностью Мито Комон⁵. Конечно, такой должности, как «заместитель сёгуна», в правительстве не было, и кажется странным, что *бакуфу*, которое обычно даже боковым зрением отслеживало критику государственной системы управления, на удивление бесстрастно реагировало на это прозвище, родившееся, скорее всего, в кругах образованных жителей Эдо. Наверное, таким прихотливым образом правительство давало дому Мито дополнительные привилегии.

Вот в таком клане и родился Ёсинобу.

Его отцом был Рэцуко Нариаки.

В старости Нариаки пользовался безграничным уважением и любовью «людей долга» — сторонников императора. Они почти боготворили его, утверждая, что «стоит нашему старику из Мито только на пороге показаться, как исчезнет чужеземная напасть, и Япония обретет спасение». Разумеется, это была одна из химер, порожденная духом того необычайного времени. В действительности Нариаки не был столь всесилен, но зато на самом деле был беззаветно храбр, его советниками были многие знаменитые самураи, например, Фудзита Токо, и именно в клане Мито возникла «школа Мито»⁶, ставшая на закате сёгуната идейной опорой политики спасения страны. По всей вероятности, Рэцуко Нариаки действительно обладал сильными задатками вице-сёгуна, которые он со всей твердостью демонстрировал и в замке Эдо. Так что легенда о нем как о герое из героев, на которого только и могут уповать «люди долга» из низших слоев общества, имела свое веское основание.

Однако в жизни Рэцуко Нариаки был далек от идеала. Он, например, был весьма вульгарен и грубо вел себя с женщинами. Эта грубость доходила буквально до болезненного состояния, так что он чуть ли не бросался с кула-

ками на придворных дам, прислуживавших сёгуну в его внутренних покоях. В свою очередь, фрейлины сёгунского замка в Эдо терпеть его не могли и относились к нему как к омерзительной гусенице. Дворцовым дамам не нравилось в Нариаки решительно все, даже его политическая деятельность.

При всем при том Нариаки был ярым сластолюбцем и отцом двадцати одного мальчика, не считая множества девочек. Правда, совершеннолетия достигли только двенадцать сыновей и шесть дочерей, но все равно Нариаки с его восемнадцатью наследниками был счастлив в семейной жизни.

Законная жена Рэцукэ Нариаки родилась в Киото и происходила из семьи Арисугава, принца императорской крови. После замужества она получила имя Томиномия Ёсико. Когда в положенное время зашла речь о замужестве принцессы, то в поиске кандидатов весьма деятельное участие принял император Нинко, который даже изволил отметить:

— Мито — это, можно сказать, воины из воинов, сей дом из поколения в поколение почитает императора; лучшей партии для Томиномия и быть не может.

Вскоре было получено высочайшее благословение на брак.

В доме Мито было известно, что при императорском дворе высоко ценят ясный ум и красоту Ёсико. Но Нариаки, радуясь красоте жены, более всего думал о будущем ребенке:

— Красота-то угаснет, а вот ум ничем не заменишь. Надеюсь, что жена родит мне умного сына! — У Нариаки уже был сын от наложницы, но наследовать дом мог только ребенок от законной жены. Им стал Цурутиё, будущий Ёсиацу, десятый глава клана Мито. С годами он все больше и больше походил на мягкого и изнеженного киотосца;

в слабохарактерном Цурутиё не было ничего от его воинственного отца.

— Что делать, — разочарованно говорил Нариаки, — наверное, на этот раз победила жидкая придворная кровь...

Потом сыновья рождались один за другим, и не обязательно от законной жены Ёсико. Имена им, не мудрствуя лукаво, давали по порядку: Дзиромаро (Второй Сын), Сабуромаро (Третий Сын), Сиромаро (Четвертый Сын), Горомаро (Пятый Сын), Рокуромаро (Шестой Сын)... Второго и Пятого сыновей родила Ёсико. Второй сын рано умер, Пятый же еще подростком отличался красотой облика и вскоре приобрел тонкие придворные манеры.

— Да, опять киотосская кровь оказалась сильнее, — говорил Нариаки. Придворная кровь снова одолела самурайскую. По велению Нариаки Горомаро должен был стать приемным сыном в другом самурайском доме. Вскоре его усыновил глава дома Икэда из клана Тоттори в провинции Инаба. Позднее Горомаро возглавил этот клан под именем Икэда Ёсинори...

В конце концов Ёсико родила и будущего сёгуна Ёсинобу, или Кэйки, который при рождении получил имя Ситиромаро (Седьмой Сын).

— А этот — самурайских кровей или придворных? — размышлял полный надежд Нариаки, что называется, с пеленок внимательно наблюдая за сыном.

У князя было много странностей, и одна из них — любовь к воспитанию детей, которой он отдавался со всем пылом. Это рвение было связано с тем, что сам Нариаки в детстве просто ненавидел ходившую за ним кормилицу.

— Мужчин должны воспитывать мужчины, — с такими словами он однажды пришел за поддержкой к своему отцу, и тот не только уволил кормилицу, но и назначил ребенка двух дядек из числа самых крепких самураев клана.

Так что в отличие от остальных *даймё*⁷ Нариаки был очень озабочен судьбой своих наследников...

Сыновья крупных феодалов всегда росли в особняках кланов в Эдо. Таков был приказ правительства: сёгунат считал детей *даймё* важным человеческим материалом и не выпускал их из поля зрения.

Однако по особой просьбе Нариаки и тут для клана Мито было сделано исключение из этого правила. Дети клана рождались в Эдо, но еще в младенчестве их увозили оттуда и отдавали на воспитание неотесанным провинциальным самураям: в Мито боялись, что они заразятся изнеженными столичными манерами.

С Ёсинобу тоже поступили согласно законам клана и воспитывали его так, чтобы он стал не жителем сёгунской столицы Эдо, а настоящим самураем из Мито. Поэтому когда младенцу исполнился год, его увезли от родителей, из эдосского особняка в Коисикава, в замок Мито в провинции Хитати.

В следующий раз отец увидел повзрослевшего сына только через десять лет, когда вернулся в свою провинцию.

— Нет, это особенный ребенок, — словно гадатель, говорил Нариаки, обращаясь к своим старым верным вассалам. В сыне не было столичной манерности.

— Молодец! Добрый вояка будет... Но все же если им не заниматься — отобьется от рук, — рассуждал он. Нариаки хотел, чтобы сын стал вторым Токугава Иэясу — основателем сёгунского дома⁸.

— Получше смотрите за ним! — постоянно наставлял он самураев, воспитателей, служанок. Скоро ожидания, которые Нариаки связывал с сыном, передались всем воинам клана.

— *Даймё* должен быть сильнее обычных самураев, — считал Нариаки — и соответственно этому шло воспита-

ние мальчика. Чем больше надежд возлагалось на Ёсинобу, тем строже с ним обращались.

— Самурай должен спать в правильной позе, — часто говорил Нариаки и заходил в спальню Ёсинобу посмотреть, как тот спит. Ёсинобу спал неправильно.

— Не подобает воину лежать вот так, расслаблено раскинувшись... Поставить у изголовья Седьмого Сына пару острых мечей! — приказывал отец, и с той ночи Ёсинобу спал на подушке, по бокам которой, точно рога, торчали два острых, как бритва, клинка. Теперь он должен был лежать тихо, чтобы не поранить себе голову и лицо, ворочаясь во сне.

— Настоящие воины изволят почивать на правом боку, положив под него правую руку, — изводил мальчика придирами его воспитатель Иноуэ Дзиндзабуро. Иноуэ считал, что сильную правую руку нужно обязательно держать снизу. — Ежели во время сна на Вас набросится супостат и отсечет Вам левую руку, то вы сможете биться сильной правой, — говаривал он. В результате Ёсинобу до самой старости спал только на правом боку, положив под него руку.

«А для чего все это нужно?!» — Такой вопрос даже не приходил мальчику в голову. Нариаки был уникальным *даймё*. В других самурайских домах и представить себе не могли, в какой строгости он воспитывает своих детей. Одежду и постельное белье для них шили из пеньки или хлопка, шелковыми вещами совершенно не пользовались. Распорядок дня был очень строгий: дети вставали с зарей, обливались холодной водой, затем под присмотром приближенных самураев читали вслух половину свитка из «Четверокнижия» или «Пятикнижия»⁹ и только потом завтракали. После завтрака до десяти часов утра шли занятия каллиграфией, после чего молодые господа

вместе с остальными учениками направлялись в «Зал Великого Пути» — школу клана. Потом — обед, после которого дозволялось немного поиграть. Послеобеденное время посвящалось воинским искусствам. Вечером, после ужина, изучали оставшуюся после утренней читки часть классического произведения — и день заканчивался. Ни малейшего отклонения от этого расписания не допускалось.

Ситиромаро-Ёсинобу, конечно, тоже подчинялся таким суровым методам воспитания и строгому распорядку дня, но не следовал им беспрекословно. Нариаки же требовал именно беспрекословного повиновения. Ситиромаро очень любил укреплявшие его тело занятия воинскими искусствами, но не выносил чтения книг и всячески от него отлынивал. Не зная, как быть, наставник-самурай постоянно повторял: «Отказываетесь читать — будем Вам прижигать пальцы моксой!»¹⁰ И, в конце концов, однажды действительно столь сильно прижег большим пучком моксы указательный палец ученика, что с него даже слезла кожа.

Однако Ситиромаро молча вытерпел боль и хвастливо заявил, что лучше терпеть боль от моксы, чем читать книги. В результате он получил еще несколько ожогов моксой, которые, в конце концов, воспалились, и палец распух. Но Ситиромаро оставался непреклонен в своем упрямстве. Растерявшийся воспитатель обратился за помощью к Нариаки.

Отец распорядился немедленно отправить нарушителя под домашний арест. Тотчас же был сооружен карцер: в одном из углов гостиной отгородили ширмой участок комнаты размером не более одного *цубо*¹¹, обвязали ширму веревкой и заперли там Ситиромаро. Еды осужденному не давали... Мальчик вроде бы покорился и начал демонстрировать показное смирение, однако к учебе по-прежнему относился с прохладцей. Интерес к наукам

у него появился только после двадцати лет, а до того он вел жизнь, о которой его наставник Кавадзи Тосиакира критически отзывался так: «Он посвящает семьдесят процентов времени воинским искусствам и только тридцать — наукам. Между тем если не следовать правилу «половина на половину» — настоящим воином из Мито не станешь!»

Ситиромаро с легкостью хитрил в играх и вообще не был тихим прелестным мальчиком. Женская половина дома его недолюбливала. Старший брат Горомаро, напротив, рос тихим и спокойным, любил помогать наряжать кукол к празднику девочек¹². Как-то в комнату, в которой шли приготовления к празднику, ворвался Ситиромаро и с криком «Брат Горо, не занимайся ерундой!» сбросил стоявших на полке кукол на пол и все их изломал.

— Как же дурно поступает братец Ситиро! — перешептывались между собой подружки Горо...

Нариаки связывал с сыном большие надежды еще и потому, что у мальчика были выдающиеся способности к каллиграфии — в то время считалось, что стиль письма выражает саму сущность человека.

«И все-таки, кем же он станет?» — снова и снова спрашивал себя Нариаки. Нельзя исключать, что уже тогда в глубине души отец лелеял надежду, что судьба когда-нибудь улыбнется Ёсинобу, и он займет место наследника в сёгунском доме...

Как-то, когда Ёсинобу был еще совсем мал, из клана Кисю в Мито пришла просьба дать мальчика на усыновление. Лучшего дома для породнения, наверное, и пожелать было нельзя, но когда проводивший переговоры Фудзита Токо обратился к Нариаки, тот сказал как отрезал:

— Только не Ситиромаро! — Нариаки берег его на случай, если что-то произойдет с его наследником Цурутиё. — Вон пусть Горомаро пойдет, — продолжал Нариаки. — Он

любит в куклы играть, и вообще парень ни то ни се, но для приемыша — сойдет.

Так что Нариаки не отдал сына даже в дом Кисю — ведущий из «трех знатных домов». Это заставляет думать, что он не просто следовал старинному правилу «наследника не отпускай из дома», а имел в отношении Ситиромаро другую, тайную задумку. Впрочем, по каким-то сторонним причинам дом Кисю не усыновил и Горомаро; позднее его отдали в семью Икэда.

А Ситиромаро-Ёсинобу ждала другая участь...

В четвертом году Кока (1847 год), когда мальчику исполнилось одиннадцать лет¹³, Абэ Масахиро, высокопоставленный член сёгунского совета старейшин и правитель провинции Исэ, вызвал в свою резиденцию господина Накаяма, главного вассала клана Мито и правителя провинции Бинго, и сказал ему:

— Во Внутреннем Дворце полагают, что господин Ситиромаро станет приемным сыном в доме Хитоцубаси.

Слова «во Внутреннем Дворце» ясно свидетельствовали о том, что это приказ Иёёси, двенадцатого сёгуна династии Токугава. Однако Накаяма неожиданно ответил:

— Да ведь, наверное, это может быть и другой сын, не обязательно Ситиромаро! — И сослался на то, что Ситиромаро заменяет наследника и просто так его не отпустят.

«Болван этот Накаяма, — подумал Абэ. — Не понимает, что ли, всей подоплеку дела?»

В последние годы сёгуната Токугава советник Абэ Масахиро пользовался в правящем доме репутацией человека выдающегося ума и редкой проницательности. Он остро чувствовал своеобразную притягательность опасного человека по имени Нариаки из Мито, которого недолюбливали и в правительстве, и в сёгунской фамилии, и имел тайный замысел заполучить его в союзники, чтобы таким образом преодолеть трудности, возникшие в управлении

государством. Эти трудности были связаны с обороной морских границ страны. Хотя до наступления взрывоопасной ситуации — прихода кораблей Перри¹⁴ — оставалось еще несколько лет, у побережья Японии там и сям уже начинали появляться западные суда, что приводило правящие круги страны в трепет. Абэ полагал, что Нариаки из Мито, крайне воинственный противник иностранцев, с его смелостью, умом и популярностью был бы в этой ситуации незаменим. Но вслух он этого сказать не мог: Нариаки с отвращением относился к нравоучительной правительственной риторике и жил в своем особняке в Коисикава фактически под домашним арестом.

«А Нариаки... И ядом можно вылечить. Нужно только знать как... Торопиться в этом деле не надо... Отложим именины сердца до другого раза! — размышлял осмотрительный Абэ Масахиро. — Может быть, хоть породнение с домом Хитоцубаси порадует этого привередливого, тяжелого характером человека?»

Проницательный Абэ как в воду глядел...

— Ну да о таких делах лучше долго не толковать! Возвращайтесь домой и в точности расскажите все господину Среднему советнику (Нариаки), — с этими словами Абэ отпустил самурая из Мито.

Нариаки в своем особняке в Коисикава внимательно выслушал доклад о пожеланиях обитателей Внутреннего Дворца. Умение читать в людских душах не подвело Абэ: Рэцуко немедленно согласился с его предложением. Причина была проста:

«Ситиromаро может стать сёгуном!» — К такому выводу Нариаки пришел в результате тонкого анализа наподобие того, который проделывает за шахматной доской мастер, предугадывающий позицию на много ходов вперед.

Действительно, нынешний сёгун Иэёси слаб здоровьем и, наверное, долго не проживет. Но и Иэсада, который должен наследовать Иэёси, от рождения немощен. Здоровья у него — в половину от обычного, идет молва, что из-за особенностей телосложения он не может иметь дело с женщинами. Так что, видно, не только самому Иэсада судьбой уготована короткая жизнь, но и наследника у него не будет.

Если так, то наследником сёгунского дома должен стать приемный сын. Его могут взять либо из «трех знатных домов» (Мито, Овари, Кисю), либо из «трех благородных домов» — семейств Хитоцубаси, Симидзу, Таясу. В дом Хитоцубаси и идет Ёсинобу.

Шанс есть. И шанс очень неплохой. Так, из клана Овари преемника взять сейчас нельзя: они только что сами усыновили мальчика из другого клана и даже думать не могут о том, чтобы предлагать ребенка в сёгунский дом. Наримаса, глава дома Кисю, в прошлом году приказал долго жить, а его наследник, Кикутіё, родился уже после смерти отца; младенцу еще нет и года. Поэтому из «трех знатных домов» никого усыновить невозможно.

Остаются «три благородных дома». Но в Таясу господин Ёсиёри только что сам утвердился как глава дома и еще не успел обзавестись наследником. Дом Симидзу тоже, как говорится, пустует, потому что после смерти Наримаса господин Симидзу Нарикацу покинул дом Симидзу и стал приемным сыном в доме Кисю.

Остается дом Хитоцубаси.

Правда, его тоже преследуют несчастья. Много у них было приемных сыновей, да все странным образом умирали молодыми. Нынешний малолетний наследник, Масамару, которого взяли из дома Овари, сейчас тоже прикован к постели.